

ВНЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

Ставя перед собой трудную задачу дать в краткой объективной форме политическую оценку современного исторического момента, просим читателя помочь нам и произвести над собой небольшое психологическое усилие — отказаться на время чтения этой статьи от своих политических воззрений, не загромождая в себе, однако, русского национального чувства.

Мы будем здесь исходить лишь из идеи России, как великой нации, и идеи примата духовного начала в жизни человечества.

Кроме того, нам надо отказаться также от всеобщего убеждения в катастрофизме настоящего положения России. Право, так ли безнадежно трагично положение пленника, вырывающегося из плена? В самом деле, не было ли дореволюционное состояние России тем культурно-бытовым пленом, который стеснял самостоятельное естественное развитие русского национального духа, направляя его по чуждому пути западно-европейской цивилизации? Не являются ли настоящие исторические события тем трудным, мучительным началом освобождения России, которое провидели Достоевский и Пушкин, великие печальники — певцы русской духовной свободы?

Сначала рассмотрим спокойно современную коммунистическую действительность.

Коммунизмом охвачена только одна страна — Россия, а между тем в основе своей коммунизм интернационален и приложим, согласно его собственной доктрине, лишь ко всему мировому хозяйству в целом. Русские коммунисты надеялись, что мир преобразуется в коммунистическом духе под влиянием российской революции. Действительно, в Венгрии, Саксонии, Баварии были попытки коммунистического государственного устройства, под серьезной угрозой находились и вся Германия и Италия, но в конечном итоге надежды большевиков не оправдались.

Тогда решили усилить активную агитацию и пропаганду,

развернув деятельность во всем мире. Внутри России на это время, в целях облегчения жизни населения, впрямь до ожидавшейся мировой революции, была объявлена НЭП. Но время проходило, умер Ленин, НЭП развивалась, грозя захлестнуть «командные высоты», а революция все не шла. Постепенно преемники Ленина пришли к заключению, что мировую революцию необходимо ускорить, для чего надо создать те же условия, в каких она произошла в России, т. е. новый военный погром, который должен потрясти заболоченный мир, но разгромлена на этот раз должна уже быть не Сов. Россия, а Западная Европа. Таким образом, перед большевиками стала альтернатива — или продолжать осуществлять свои политические идеалы и воевать, или не воевать, что для них стало равносильно вопросу о сдаче своих партийных позиций под напором экономических условий. Положительному разрешению этого вопроса, т. е. быть и воевать, содействовала сама Зап. Европа, во-первых — признав де-юре Сов. Россию и восстановив с ней экономические отношения, во-вторых — разбившись после войны на два лагеря: с одной, более сильной стороны — на победителей, с другой, более слабой — на побежденных и обиженных при дележе военных трофеев. Таким образом, Зап. Европа открыла большевикам щель, чрез которую им и удалось вылезти на мировую арену. Наконец, третьим обстоятельством, оказавшимся на руку большевикам, явился, теоретически большевиками давно предвиденный, мировой экономический кризис.

Придя к решению интенсифицировать революционный процесс, большевики понимали, что Красная Армия совершенно неподготовлена для ведения войны в большом масштабе, что разгромленная революцией промышленность также совершенно не приспособлена к техническому снабжению современной большой армии и, наконец, что введенная НЭП на началах хозяйственного расчета не в состоянии быстро организовать промышленность в нужном масштабе. Понадобилась новая экономическая ломка и коренная переработка плана реорганизации промышленности.

Для оправдания перед общественным мнением перемены экономической политики были пушены в оборот: идея угрозы иностранной интервенции — и теория «социализма в одной стра-

не», в корне противоречащая основным положениям коммунизма. Эта последняя теория предусматривает такую организацию национального хозяйства, которая превратила бы СССР в хозяйственно-самодовлеющее государство. Между тем, если бы большевики серьезно заботились о таком устройстве народного хозяйства в национальных интересах, то им прежде всего надо было бы оберегать, а не подрывать жизненные силы страны, для чего в первую очередь нужно было бы наладить легкую промышленность для производства предметов широкого потребления, имея в виду удовлетворить нужды населения и тем самым стимулировать активность крестьянства в развитии сельского хозяйства. Не зачем было бы так форсировать экспорт и импорт, как это делает советское правительство.

Проводящийся в настоящее время в жизнь знаменитый пятилетний план индустриализации предусматривает как раз обратные насущным потребностям населения мероприятия — развитие горнодобывающей, металлообрабатывающей, электротехнической и химической отраслей промышленности. По существу план этот является планом милитаризации промышленности, предназначенной обслуживать военные потребности армии, как в предвоенный период ее технического комплектования, так, разумеется, и во время войны. Сведения эти в настоящее время даже не являются секретными, поскольку они обошли как русскую эмигрантскую, так и иностранную печать. Та же политика военизации проводится и в сельском хозяйстве, (коллективизация деревни во всероссийском масштабе), по образцу араччевских военных поселений.

В результате такой диспропорции в строительстве промышленности по отношению к нуждам населения, внутренний потребительский рынок потерял всякое значение в глазах совласти, т. к. не может же русский крестьянин покупать автомобиль, когда ему нужно колесо или ось для телеги. Необходимость же приобретения за границей технического оборудования для вновь проектируемых гигантских промышленных предприятий вынудила правительство обратиться к форсированному экспорту русского сырья, следствием чего явились внутреннее бестоварье и нужда. Тем не менее, несмотря на все стоящие перед большевиками трудности, они настойчиво идут по пути осуществления пла-

на. У нас часто дебатруется вопрос — осуществим ли советский план индустриализации и если осуществим, то в какой мере. Надо признаться, что вопрос этот вообще имеет мало оснований, ибо раз план находится уже в стадии осуществления, то значит он осуществим. Что же касается степени его возможного выполнения, то поскольку инициатива находится в руках самих большевиков, являющихся хозяевами положения, то и этот вопрос не имеет решающего значения, ибо если за 5 лет они выполнят только 60 - 80% плана, то остальную часть они могут выполнить на шестом и седьмом году, включив в уже проектирующуюся новую «пятилетку».

Даже и иностранные специалисты не оспаривают теперь возможности осуществления плана в техническом отношении, беря лишь под сомнение его экономическую целесообразность. Но это объясняется тем, что иностранные экономисты, проникнутые духом законов политической экономии, выработанных условиями мирного капиталистического развития, никак не могут усвоить, что советская экономика этим законам не подчиняется. С точки зрения чистой экономики они, конечно, правы, да и советские экономисты не лыком шиты, чтобы этого не понимать. Но экономические соображения большевиков скорей подходят к условиям военного времени, когда та или иная операция рассматривается не под углом коммерческой целесообразности, а с точки зрения интересов обороны. Та же самая картина наблюдается и в руководстве финансами, где советский рубль не является средством расчета, как бы следовало в нормальном государственном хозяйстве, а играет роль лишь статистической единицы «социалистического» учета производства и фиктивного расчета за труд с населением. Именно в целях поддержания курса рубля, как учетной единицы, большевики и относятся с такой педантичностью к выполнению «промфинплана». Правда, в случае его невыполнения, ничего особенного не произошло бы; пришлось бы только произвести заново переучет производства по другой системе, что в процессе организации работ, конечно, крайне нежелательно.

Здесь может стать вопрос — долго ли будет продолжаться такая экономическая независимость. Но в условиях неисчерпаемости источников российских природных богатств и дисципли-

нированности терроризированного населения и этот вопрос на ближайшие годы не является актуальным. О каком-либо организованном сопротивлении в государственном масштабе вообще не может быть речи, для подавления же местных возмущений в распоряжении правительства имеются неограниченные средства. К тому же через год - два, с сокращением необходимости экспорта продуктов, снабжение населения может улучшиться.

Правда, и у советского правительства есть «ахиллесова пята» — зависимость от ежегодной урожайности, поскольку Россия и прежде, и теперь является страной земледельческой и продукция земледелия (в частности зерновые хлеба) составляет одну из основных статей экспорта. В случае неурожая экспорт зерна, конечно, стал бы невозможен и даже выручка от экспорта нефти, леса и пр. должна была бы пойти на закупку за границей предметов продовольствия для населения. За отсутствием средств приостановился бы и импорт технического оборудования для промышленности впредь до нового урожая, но производство внутренних строительных работ могло бы идти тем же темпом; понадобилась бы только некоторая перегруппировка работ. Чрезвычайно при этом пострадало бы конечно несчастное российское население, т. к. большевики еще больше урезали бы и без того скромное пайковое снабжение продовольствием.

Таким образом, в худшем случае промышленный план мог бы испытать лишь некоторое временное снижение темпов выполнения, населению же грозили бы новые страдания.

В политических кругах Европы и Америки существуют различные проекты борьбы с так называемым советским «демпингом» и вообще с угрозой экономического влияния СССР на международную экономику. Все эти проекты не могут дать каких-либо положительных результатов, т. к. всякое стеснение советского экспорта повлекло бы сокращение советского импорта, что в свою очередь, стало бы невыгодным советским контрагентам, особенно в условиях мирового экономического кризиса (когда каждый советский заказ является подарком для иностранной промышленности и куском хлеба для армий безработных). Свидетельством тому является все больше расширяющийся кредит для советских заказов, доходящий в некоторых случаях до 3-х

лет. Вообще, поскольку однажды Европа стала на путь признания СССР и восстановления с ним торговых отношений, ей с этого пути не сойти. Советские политики достаточно ловки, чтобы не дать себя объехать.

Перейдем теперь к рассмотрению послевоенного положения Зап. Европы. За последние годы мысли культурного общества часто останавливаются над мучительным вопросом о кризисе демократии. Идея демократии, как формы общественного устройства на началах справедливости и полной свободы личности в гармоническом обществе, в котором человеческое достоинство не попиралось бы материальным превосходством одних людей над другими, эта идея, сама по себе, неизбежна и бессмертна. Но беда современной демократии в том, что она сама связала себя с капиталистическо - индивидуалистическими формами экономического устройства государства. Этот мезальянс получил благословение христианской церкви для чего потребовалось соответствующее толкование догматических основ христианской религии, толкование по существу глубоко анти-христианское. В результате медленно, но верно развивался кризис не только демократии, но и христианства, кризис всей современной «морали».

Иллюстрацией этого кризиса могут служить недавние испанские события, где по натуре глубоко религиозный испанский народ предал огню и погромам свои храмы и монастыри. И как разителен контраст в отношении к религиозным памятникам между русским и испанским народом, тем более, что эти два народа по своему культурному и религиозному уровню очень близки. Но церковь испанская погрязла в материальных заботах о своих светских привилегиях и о церковных имуществах, в отстаивании эгоизма богатых, она замкнулась в схоластическом кругу от проникновения в нее народного духа, и в вихре революционных событий от нее отшатнулся народ.

До революции это духовное разложение угрожало и русской церкви; заплывший жиром русский быт и светская власть давили ее. Но когда с русским народом случилась катастрофа, церковь русская нашла себя, она разделила с народом его горе и вместе с ним понесла тяжелый крест, подкрепляя духовные силы народа. И народ русский отплатил ей сторицей — он не

только простил ей старые грехи, не только не тронул сам ни одного храма, но повсеместно наполняет их для горячей молитвы и в мрачном молчании затаивает глубокую обиду против безбожной власти. Он верит, он знает, что придет время, когда закрытые, поруганные храмы вновь откроются.

И в этом духовном единении с народом, в истинно христианском смирении, достойном восхищения, русская церковь не только не жалуется, но находит в себе силы отказаться от моральной помощи извне и отрицать перед всем миром гонения власти на себя, оберегая этим спокойствие духа и интересы верующего народа.

Что же удивляться равнодушию современной «морали», что же удивляться деморализации современных нравов и быта! Правда, и в России далеко не все благополучно в отношении нравов, но разве распропагандированный и отравленный с юных лет ядом неверия теперешний комсомол может считаться главным представителем русского национального духа и разве мысль сознательной части комсомола не бродит в потемках и не ищет иногда выхода из нравственного тупика?

Конечно, моральное разложение европейского общества могло бы углубляться и дальше, не вызывая чувствительного кризиса современной демократии, если бы не предала экономика, переживающая общепризнанный мировой кризис, вызвавший во всем мире потрясения не только узко-экономического, но и социально-политического характера.

Причины этого кризиса чрезвычайно сложны и глубоки. Здесь надо отдать справедливость большевикам, теоретически задолго предвидевшим его развитие, что они сумели лучше разобратся в послевоенной конъюнктуре, чем западные экономисты, заговорившие о кризисе лишь когда разразилась катастрофа. Среди этих причин мировая война 1914 г. является тем нарывом, который вызвал кризис всего мирового организма. Главнейшие из них — перманентная промышленная революция, обусловленная колоссальным техническим прогрессом и повышением производительности труда, благодаря системе стандартизации промышленных изделий и рационализации процессов производства; громадное увеличение и расширение промышленных предприятий и сельско-хозяйственных культурных угодий.

вызванных к жизни ненормальным повышением спроса и цен во время войны, а также послевоенными денежной инфляцией и спекуляцией, обогатившими предпринимателей за казенный счет; эти колоссальные развитие и прогресс производства совпали с таким же значительным сокращением мирового рынка, вызванным революционными событиями в крупнейших странах (Китай, Индия, государства Южной Америки и, наконец, Россия), в результате чего громадное число потребителей выпали из международного оборота и нет никакой надежды на их возвращение в ближайшее время, т. к. разоренный непрекращающейся гражданской войной Китай долгие годы не сможет восстановить своей прежней платежеспособности, а в Индии чрезвычайно сильны националистические тенденции, благоприятствующие развитию местной промышленности.

Таким образом промышленный прогресс, столкнувшись с резким сокращением рыночной емкости, поставил мировую промышленность перед угрозой финансового крушения. Ряд биржевых крахов подтвердил конкретность такой угрозы и она императивно вызвала вопрос о свертывании производства, каковое и происходит за последние годы.

В результате появилась 25-миллионная армия безработных и сильное сокращение предпринимательских доходов, что в свою очередь понизило покупательную способность населения и вызвало новую безработицу, новое сокращение доходов и т. д.

Тем не менее экономисты, быть может из желания успокоить общественное мнение, быть может — из соображений защиты интересов какой-либо данной экономической области, — признают теперешний кризис лишь временным, преходящим явлением. Выход из создавшегося положения стараются найти в искусственном повышении цен, путем задержки выпуска товаров со складов на рынок, в перераспределении банковских золотых запасов и валюты, в снижении таможенных пошлин, в обычной в таких случаях организации общественных работ и, наконец, в сокращении и регулировании промышленного и сельскохозяйственного производства в международном договорном порядке. По этой идее экспорт продуктов должен быть заранее регламентирован в каждой экономической области для каждой страны особыми международными конвенциями и договоривши-

еся страны не смеют перейти указанных для них лимитов. Так должны регулироваться экспорт хлеба, нефти, угля, стали, азотистых веществ, сахара, а может быть и... горчицы и перца!

И этот абсурд преподносится цивилизованному миру в XX веке! Мало того, за отсутствием сбыта колоссальные партии товаров, которые могли бы прокормить сотни тысяч голодных безработных, сжигаются и топятся в море.

Тенденция промышленного мира сводится к тому, чтобы обязательно загнать рост производства в такие колодки, в которых предложение товара не превышало бы хорошо оплачиваемый спрос на него, и тем поддержать цены на уровне, который обеспечивал бы предпринимателям высокий доход с капитала.

Вот здесь то и кроются органические противоречия капиталистического строя, при котором потребитель заинтересован в безостановочном увеличении количества доступных жизненных благ и максимальном снижении цен вплоть до совершенного уничтожения предпринимательского процента на оборотный капитал, а предприниматель, наоборот, заинтересован в его максимальном росте, хотя бы ценой понижения жизненного уровня народных масс.

Как досадно, что наша пресса, крича о малейшей неудаче большевиков в осуществлении плана индустриализации, в то же время замалчивает о прорывах на мировом экономическом фронте. Воистину, бытие определяет сознание эмиграции, и как много надо людям над собой поработать, чтобы наше сознание определяло бытие!

Сопоставляя эти два кризиса, которые мы здесь в общем аспекте рассмотрели, — кризис советский и капиталистический, — невольно приходишь к логическому выводу, что, как ни тяжела советская бытовая действительность рядом с кажущимся благополучием на Западе, но у СССР больше объективных условий, обеспечивающих развитие его политики.

Переходя к политическому положению Зап. Европы после войны, мы видим, как уже было указано выше, что оно определяется естественным результатом войны — разделением стран на два лагеря: победителей и побежденных. К последним относятся и все недовольные и обиженные страны при дележе во-

енных территориальных трофеев, причем победителям свойственны, как всегда, пацифистские тенденции, обусловленные желанием сохранения установленного выгодного им статус-кво, побежденным же, наоборот, приходится бороться с горькими результатами поражения. Таким образом, сама политическая обстановка предопределяет для СССР роль верховного арбитра и нет сомнений, что когда СССР сочтет себя достаточно сильным, он эту роль выполнит с честью; можно даже предположить запоздалое осуществление давнишней славянофильской мечты об объединении славянских народов в единое государственное целое, — увы, на коммунистических началах.

Другой вопрос — это когда большевики приступят к осуществлению своей основной задачи — устройству мировой революции через новую мировую войну. Такая война уже имеет свою литературу и надо признать, что ужасы, в ней изображенные, имеют вполне реальный характер. Можно предположить, что война эта при современном техническом прогрессе уже не будет иметь фронтовой характер, а будет вестись противниками в глубоком тылу друг у друга с целью уничтожения военных и продовольственных складов, фабрик, заводов, городов, путей сообщения — до полного материального взаимного истощения; но без обычного финала, т. е. без подразделения на победителей и побежденных. Географические и климатические условия России позволяют все же надеяться, что население ее пострадает меньше других, даже при условии технического превосходства противника.

Но в такой обстановке коммунистическая власть, погромом рожденная, лишенная орудия физического принуждения, весьма возможно что придет, под грохот учиненного ею нового погрома, — к историческому моменту своей ликвидации, т. к. ни советская власть, ни какая другая, среди военных потрясений не будет иметь в глазах населения никакого авторитета. Тогда, быть может, действительно осуществится лозунг, брошенный большевиками в начале революции — «власть на местах» — в форме выбранных самим населением общинных управ, которые затем и примут на себя как выполнение административных функций, так и организацию эксплуатации средств производства и природных богатств данной общины. И пройдет, вероятно, не мало

времени после войны, прежде чем народ пошлет своих представителей на Всенародный собор, которому будет предстоять задача организации страны на новых социальных началах.

Эта схема возможных будущих событий здесь кратко изложена, главным образом, чтобы предупредить какие-либо реставрационные предположения и показать беспочвенность всех программных проектов форм правления. Когда Россия поднимется из коммунистической пропасти к национальному возрождению, этот крестный путь поведет к каким-то новым формам социального уклада и во всяком случае уже не к буржуазному государству, т. к. возвращение к разбитому буржуазному корыту могло бы произойти лишь в результате поражения СССР в неминуемой борьбе с Западом.

Вот почему глубоко ошибочны все те политические концепции, которые предусматривают раздельное существование двух политических идей: России «советской» и России «национальной». Россия — едина, и она неотделима в данное время от большевизма, как в дореволюционную эпоху была неотделима от самодержавия. В свое время революционная борьба против самодержавия, в роде таких актов, как убийство Императора Александра II, приводила к внутренней реакции и к ослаблению внешней мощи России.

Вот почему в настоящее время всякое действие, всякая пропаганда, имеющая целью повредить интересам современной России, является деянием антинациональным, пораженческим.

Нам, русским, необходимо теперь же решить с кем мы — с Россией или с ее будущими врагами, ибо не в страстной борьбе против неизбежности надвигающихся ужасных событий, а в своевременном предотвращении ошибок и паники во время этих событий — долг подлинных патриотов.

Не будем же растревлять святых ран нашей родины — а отдадим ей все силы на путях осуществления великой миссии ей предуказанной. Преодолев коммунизм, — она выведет человечество из морального и матерьяльного тупика в новые, новым светом осиянные просторы.

А. Холодилов